

UNITED WISDOM

Сознание как поле: метафора, модель и проверяемая гипотеза

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-30-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Сознание как поле: метафора, модель и проверяемая гипотеза

Эпиграф

> *«Оно не склеено; оно течёт».*

Уильям Джеймс, Psychology: Briefer Course, 1892, глава XI «The Stream of Consciousness»; собственный перевод короткой фразы о сознании по оригиналу.

Образ течения описывает связность переживания. Из него не следует, что сознание является конкретным физическим полем.

О чём эта статья

Слово «поле» обещает объединить то, что кажется разрозненным: ощущения, мысли, внимание, общую атмосферу разговора. Иногда это удачный образ. Иногда — часть модели. Иногда — утверждение о физическом устройстве сознания. Проблема возникает, когда слово незаметно переходит из первого значения в последнее, сохраняя впечатление уже полученного доказательства. Статья различает эти способы говорить и рассматривает конкретный пример: электромагнитную гипотезу cemi Джонджо Макфаддена. Мы отделим существование электрических взаимодействий в нервной ткани от утверждения, что именно поле является субстратом переживания, и посмотрим, зачем теориям нужны разные проверяемые предсказания. Рядом появятся Джеймс и «Чхандогья-упанишада», но их образы связности и единого основания останутся в собственном контексте. Практическая задача — понимать, что делает выбранное объяснение: помогает заметить опыт, организует исследование или заявляет механизм, которому ещё требуется проверка.

I. Просторное слово допускает незаметную подмену

Представьте встречу, после которой кто-то говорит: «В комнате было тяжёлое поле». Возможно, он имеет в виду паузы, напряжённые лица, осторожные ответы и невозможность обсудить важный вопрос. Слово объединяет впечатление. Оно может быть полезным началом разговора, если затем удаётся назвать, что происходило. Но само по себе оно ещё не сообщает, обнаружен ли особый физический объект.

Другой человек говорит о поле внимания: некоторые предметы в данный момент заметны, другие остаются на краю. Это образ организации переживания. Третий

обсуждает электромагнитное поле и связь его параметров с нервной активностью. Здесь значение техническое. Если трое используют одно существительное, это не делает их утверждения тремя версиями одного измеренного явления.

Трудность в том, что слово удобно переносится. Оно допускает целое без резкой границы, влияние без видимого толчка, распределение без одного центра. Все эти возможности привлекательны для описания сознания. Но привлекательность языка не определяет природу предмета. Нужно понять, какое именно отношение хочет передать автор и как предлагает его установить.

Условная фраза «мы оказались в общем поле» может означать, что участники стали слушать друг друга и обсуждать один вопрос. Если после неё следует «поэтому мысли одного физически передаются другому без обычной коммуникации», добавлено новое утверждение. Его нельзя доказать тем, что первая фраза хорошо описала ощущение встречи. Между переживанием совместности и механизмом передачи сведений требуется отдельный мост.

Поэтому полезно не запрещать слово, а попросить дополнение. Поле чего? Где и как оно проявляется? Какие отношения объясняет? Что изменилось бы, если его не было? Ответ иногда останется образным, и это допустимо. Иногда приведёт к определённой модели. Главное — не передавать между этими ответами больше достоверности, чем получено в каждом. Свободное слово должно оставлять возможность уточнения, а не служить заранее готовым объяснением всего трудноуловимого.

II. Образ позволяет заметить опыт

Когда Джеймс говорит о потоке сознания, он сопротивляется картинке мысли как цепочки неподвижных деталей. Переживание имеет переходы и связность, которые теряются при таком разложении. Это историческое описание опыта. Его ценность состоит в том, что оно обращает внимание на способ описывать переживание, а не предъявляет позднейшую физическую теорию.

Вообразите, что вы вспоминаете разговор. В нём были слова, интонация, ожидание ответа и ваше отношение к человеку. Если перечислить отдельно десять произнесённых существительных, встреча не восстановится. Между ними были отношения, которые делали высказывание понятным. Образ потока помогает спросить о переходе, удержанном ожидании и смысле целого.

Слово «поле» способно выполнять похожую работу, если обозначает совместную доступность деталей опыта. Вы слышите музыку и замечаете комнату, но внимание распределено неодинаково. Один звук становится центральным, иной остаётся фоном.

Описание поля может помочь увидеть это отношение. Оно не обязано сразу сообщать, каким физическим механизмом обеспечена такая доступность.

Метафора проверяется прежде всего через то, помогает ли она различать опыт и ясно говорить о нём. Если «поле внимания» позволяет заметить, что разговор всё время занимает ожидание оценки, появляется полезный вопрос. Если после метафоры невозможно назвать ни одного конкретного различия, образ может оставаться красивым, но мало помогать. Его сила зависит от работы, которую он действительно выполняет.

При этом описание собственного переживания не даёт полного знания обо всех причинах. Человек может уверенно сказать, что ощутил облегчение после разговора, и не знать, какие процессы его обеспечили. Это нормальное различие между опытом и объяснением. Его не требуется немедленно закрывать выбранным словом.

Можно оставить образ там, где он полезен, и не требовать от него причинной теории. Тогда метафора не раздувается до универсального закона и не объявляется бесполезной за отсутствие измерительного протокола. Она остаётся инструментом человеческого внимания. Вопрос о механизме получает собственное место и собственные средства исследования, вместо того чтобы быть незаметно решённым благодаря удачной фразе о переживании.

III. Конкретная гипотеза говорит о конкретном физическом поле

В статье Макфаддена 2020 года cemi расшифровано как conscious electromagnetic information. Автор предлагает считать физическим субстратом сознания причинно активную информацию, интегрированную в электромагнитном поле мозга. Он связывает предложение с задачей объединения содержания переживания и обсуждает ещё не проверенные предсказания. Это определённая гипотеза автора, а не установленный общий ответ науки.

Её предмет следует сохранить. Здесь поле имеет физическое значение и относится к мозгу. Нельзя автоматически переименовать его в безграничное поле мирового сознания или в атмосферу встречи. Такая замена расширяет гипотезу и меняет условия. Если человек хочет сделать расширение, ему потребуется собственное обоснование, а ссылка на исходную статью не выполнит эту работу за него.

Полезно различить три положения. Первое: в нервной ткани существуют электрические процессы. Второе: определённые полевые взаимодействия способны влиять на активность. Третье: определённая организация поля и есть субстрат переживания.

Каждое следующее положение содержательнее предыдущего. Подтверждение первого не завершает проверку третьего.

Это можно увидеть на условном приборе. В нём есть электрический ток; изменение напряжения влияет на выходной сигнал; но из этих фактов не следует, что прибор переживает работу. Чтобы говорить о переживании, нужны дополнительные предпосылки и критерии. Аналогия не доказывает, что полевая гипотеза неверна; она показывает, чего ещё не установили общим указанием на электричество.

У теории есть право предложить нового кандидата для объяснения. Именно так исследование расширяет набор вопросов. Однако кандидат сохраняет статус кандидата, пока его отличительные утверждения не получили соответствующую проверку. Убедительность исходной проблемы не делает выбранное решение единственным.

Для читателя это важное положение между двумя крайностями. Не обязательно считать всякое упоминание поля пустой мистикой. Не обязательно и принимать физически звучащее предложение как доказанный механизм. Можно восстановить содержание гипотезы, понять её мотив и оставить вопрос о достаточности оснований открытым. Так идея становится предметом обсуждения, способным изменяться после проверки, а не знаком принадлежности к одной из непримиримых сторон.

IV. Реальное воздействие не доказывает тождество с переживанием

В исследовании Анастассиу и коллег 2011 года изучались пирамидные нейроны коры крысы в срезах. В аннотации первичной работы описано воздействие внеклеточных полей на мембранный потенциал и согласование разрядов, особенно при медленных колебаниях. Это пример физического эффекта в указанных условиях. Он не является опытом, напрямую устанавливающим, что электромагнитное поле тождественно человеческому сознанию.

Различие между влиянием и тождеством принципиально. Температура влияет на множество процессов; из этого не следует, что каждый процесс является температурой. Условия разговора влияют на понимание; понимание не сводится к размеру комнаты. Чтобы определить субстрат или механизм, необходимо показать более конкретное отношение, чем общее участие фактора.

Представим, что в коллективе изменение расписания улучшило согласование работы. Это поддерживает мысль о важности расписания. Однако коллектив не является расписанием, и успешное изменение одного фактора не доказывает, что все его

результаты объясняются только этим фактором. Понадобится изучить другие условия, сохраняющиеся роли и границы переноса эффекта.

С нервной тканью задача гораздо сложнее, но размер вывода можно удержать. Если опыт исследует влияние поля на активность определённых клеток, он сообщает о таком влиянии. Если автор теории видит в результате поддержку своей гипотезы сознания, это интерпретация результата в рамках более широкого объяснения. Читателю важно не стирать расстояние между опытом и этой интерпретацией.

Такое расстояние не обязательно означает слабость теории. Любой большой объяснительный проект связывает результаты, полученные в разных условиях. Вопрос в том, как обоснована связь и насколько альтернативные объяснения способны учитывать тот же эффект. Одно наблюдение может быть совместимо с несколькими теориями, не выбирая окончательно одну.

Поэтому формулировка «поле влияет» должна завершаться предметом влияния и условиями. А формулировка «сознание является полем» должна предъявлять дополнительные основания. Если вместо них повторяется лишь первый эффект, вывод ходит по кругу. Мы сохраняем реальное физическое содержание и одновременно не назначаем ему объяснительную работу, которую данный опыт ещё не выполнил.

V. Единство опыта — вопрос, а не готовый ответ

Когда мы видим лицо собеседника, слышим голос и понимаем смысл фразы, опыт не ощущается как собрание независимых сообщений. В этом единстве есть вопрос для объяснения: как разное содержание оказывается связанным? Однако сама формулировка задачи не выбирает физическое поле в качестве единственного решения. Её можно обсуждать в разных теоретических языках.

Иногда рассуждение движется слишком быстро. Переживание едино; поле представляется непрерывным; следовательно, поле объясняет единство. Между двумя первыми положениями есть привлекательная аналогия, но заключению нужны отношения, связывающие конкретное содержание и конкретные параметры. Иначе сходство общих прилагательных выполняет работу механизма.

Представим книгу. История воспринимается как одно целое, хотя складывается из страниц, слов и понимания читателя. Назвать её «полем сюжета» можно, если образ помогает обсуждать связи. Но это название само не объясняет, почему данная последовательность вызывает определённое понимание. Нужно рассмотреть устройство текста и работу чтения. Пример касается логики объяснения, а не природы мозга.

Поэтому вопрос единства стоит развивать дальше. Как различаются содержания? Как обеспечиваются переходы? Что удерживается, когда часть условий меняется? Как связаны доступность переживания и возможность сообщить о нём? Каждая теория может предлагать ответы, но должна показать, какой из них является её особым обязательством, а не общим повторением проблемы.

Важно и не требовать от человеческого описания невозможного. Человек не обязан знать нейронный механизм, чтобы сообщить, что видел цвет и слышал звук вместе. Его сообщение — часть предмета исследования. Однако из сообщения нельзя автоматически получить полную физическую модель. Нужно сохранить право опыта быть описанным и необходимость причины быть исследованной.

Так мы избегаем двух сокращений: свести переживание к удобному слову и объявить его настолько особым, что никакой вопрос о механизме неуместен. Между ними есть работа. Она начинается с ясного описания того, что нужно объяснить, и допускает, что понятный образ окажется полезным для постановки вопроса, но недостаточным для окончательного ответа.

VI. Проверяемость требует различий между объяснениями

Теория становится содержательной для исследования, когда берёт на себя риск отличаться от других. Недостаточно сказать, что наблюдаемый процесс с ней совместим. Нужно понять, чего ожидать при её предпосылках и какое изменение результата заставит пересмотреть существенное положение. Это требование относится к любому кандидату, а не только к полевому.

Условный пример: два объяснения утверждают, что ясность разговора зависит от согласования участников. Первое связывает её с правилами обмена репликами, второе — с особым полем. Если оба одинаково предсказывают любой возможный разговор, неизвестно, что позволяет предпочесть одно. Если второе заявляет дополнительный эффект без обычной коммуникации, требуется отдельно описать условия его обнаружения.

В физической гипотезе нужны ещё более точные различия: измеряемые величины, способ изменить условие, критерии результата, ограничения вмешательства. Читателю не обязательно самостоятельно ставить такие опыты. Достаточно понимать, почему фраза «это можно проверить» ещё не означает «это проверили и подтвердили». Проект проверки и её выполненный результат — разные состояния знания.

Полезно заранее обсуждать не только удачный исход. Если получен слабый эффект, какое ограничение можно назвать? Если ожидаемого отношения нет, какое положение теории затронуто? Если метод не способен различить объяснения, что нужно изменить в

задаче? Такие вопросы делают неудачу источником информации. Без них отрицательный результат всегда можно объявить неправильными условиями, не уточняя, какие условия были правильными.

В собственной жизни мы часто пользуемся похожим различением. Если новая привычка должна помочь меньше откладывать письма, мы смотрим, что произошло с письмами, а не только насколько вдохновляюще звучит объяснение. Однако бытовое наблюдение не проверяет физическую теорию сознания. Оно лишь напоминает смысл обязательства: заранее назвать ожидаемое изменение и не менять предмет после результата.

Смелость исследовательского предложения заключается не в широте обещания. Она состоит в готовности показать, где предложение может оказаться недостаточным. Тогда теория способна учиться. Слово «поле» перестаёт быть защитным пространством для всего ещё непонятного и становится частью конкретного объяснения, которое можно уточнять вместе с основаниями.

VII. Спор теорий может быть совместной работой

В исследовании консорциума COGITATE, опубликованном в 2025 году, сопоставлялись теория интегрированной информации и теория глобального нейронного рабочего пространства. Экспериментальные условия, расходящиеся предсказания и правила интерпретации были предварительно зарегистрированы. Участие приняли 256 человек; использовались несколько способов регистрации нервной активности. Результаты согласовались с частью предсказаний и поставили под вопрос ключевые положения обеих теорий.

Для нашей темы важна форма этой работы, а не назначение победителя. Это не прямая проверка cemi и не доказательство её истинности через затруднения конкурентов. Теория не получает положительное подтверждение просто потому, что другое объяснение встретило трудность. Ей всё равно нужны собственные отличительные основания.

Можно представить двух специалистов, предлагающих разные способы организовать очередь. Вместо спора о том, чей подход красивее, они согласуют, что измерять и какие случаи будут важны. Результат может показать, что оба подхода помогают в одних условиях и ошибаются в других. Тогда появляется более точная задача. Совместность не требует заранее объявить объяснения равноценными или обязать всех согласиться с общим ответом.

В обсуждении сознания ставки сложнее, но ценность ясных обязательств сохраняется. Стороны заранее называют, чем их позиции отличаются, и дают результату возможность

затронуть любимую теорию. Это помогает отделить приверженность исследовательскому вопросу от обязанности защищать каждую текущую формулировку.

Для публичного чтения полезно различать уровни итога. Испытание некоторых предсказаний не является окончательным решением вопроса сознания. Ограничение одной версии не уничтожает весь проект исследования. Неясный результат не означает, что все объяснения одинаково подтверждены. Каждое заключение должно соответствовать тому, что действительно сопоставлено.

Такой разговор может быть строгим и открытым одновременно. Человек способен поддерживать конкретную гипотезу, но признавать результаты, требующие уточнения. Он не обязан считать каждое возражение атакой на собственный опыт или мировоззрение. Разделение опыта, теории и выполненной проверки позволяет продолжить исследование без превращения неопределённости в войну за единственно допустимый язык сознания.

VIII. Общее основание в традиции не является лабораторным полем

В «Чхандогья-упанишаде», VI.1, отец объясняет сыну отношение знания материала к знанию сделанных из него вещей. Пример с глиной входит в обучение о едином основании и различии имён. Это философский и религиозный ход мысли. Он не описывает электромагнитные параметры мозга и не ставит эксперимент с нервной тканью.

Сходство мотива всё же понятно: мы ищем основание, связывающее разнообразное. Но «основание» может означать материал вещей, метафизическую реальность, условие знания или физический механизм. Без различения этих смыслов сравнительный разговор незаметно станет переводом всего в одно заранее выбранное слово.

Если читатель говорит, что древний пример помогает ему мыслить единство, можно спросить, какое различие он теперь видит яснее. Например, отличает ли изменение названия от изменения предмета? Если он говорит, что пример доказал конкретную современную теорию, нужен другой вопрос: какие её утверждения присутствуют в первоисточнике и чем установлено совпадение? Общий мотив не заменяет такое обоснование.

Уважать традицию — значит не требовать, чтобы она обладала современным техническим словарём раньше его появления. Её аргумент можно рассматривать как самостоятельный: что в нём принято за исходное, как устроен переход, какого понимания ждут от ученика? Можно согласиться, спорить, уточнять перевод. Всё это

содержательнее, чем назначить старый образ доказательством современного механизма.

И наоборот, физическая гипотеза не обязана разом отвечать на вопрос о смысле единства человеческой жизни. Она имеет выбранный предмет и способ проверки. Философская работа может обсуждать значение её предпосылок, но не превращается в дополнительный эксперимент только потому, что использует похожие слова.

Между этими подходами возможна связь вопросов. Как мыслить целое, не стирая различия? Что отличает описание от объяснения? Какие основания делают знание общим? Однако ответы остаются доступными для обсуждения в своих контекстах. Мы не объявляем традиции тайно одной теорией поля; позволяем их различиям показать, сколько разных задач стояло за первоначальным желанием объединить опыт.

IX. Переживание связи не устанавливает способ её передачи

Человек может сказать: «Мы поняли друг друга без слов». Иногда это точное описание его впечатления. Встреча была знакомой, жест оказался достаточным, пауза сообщила больше длинной фразы. Однако отсутствие произнесённых слов не означает отсутствие обычных средств общения. Взгляд, положение тела, общий опыт и ситуация тоже могут участвовать в понимании.

Если объяснение сразу назначает особое поле, оно рискует пропустить доступные связи. Полезнее восстановить последовательность: что каждый видел, что уже знал, какой выбор сделал? Такой вопрос не отнимает красоту встречи. Он лишь не позволяет личной близости автоматически стать доказательством физического канала, который ещё не установлен.

Вообразим двух давних партнёров по работе. Один замечает, что другой ищет документ, и заранее открывает нужную папку. Можно пережить это как удивительное согласование. Но у него может быть вполне обычная история: типичный этап задачи, знакомый порядок и многократно повторённые действия. Указание на эту историю не делает согласование менее ценным.

В другом случае причины останутся неясными. Тогда можно признать два положения: событие было значимым, а его механизм не установлен. Не требуется немедленно заполнить второе словообразом. Неясность не превращает событие в ложь и не подтверждает любую выбранную причину. Она обозначает границу текущего знания.

Такое разделение защищает самостоятельность участников. Если один уверен, что чувствует общее поле, другой всё равно имеет право описывать свою встречу иначе. Ощущение единства не даёт привилегии говорить за чужое переживание. Можно

проверить понимание обычным вопросом и уважить ответ, даже если он не совпал с исходным впечатлением.

Здесь особенно полезно сохранить человеческую меру. Мы способны быть близкими без безошибочного доступа к чужой внутренней жизни. Можем заметить тонкое и всё же уточнить. Можем испытать связность и не знать её всех причин. Общая встреча не становится беднее из-за согласия участников оставаться различными. Напротив, возможность получить неожиданный ответ делает понимание живым и позволяет исправить то, что первоначальный образ единства незаметно приписал другому.

X. Три языка можно удерживать рядом

Метафора, модель и проверяемая гипотеза не обязаны вытеснять друг друга. Они выполняют разную работу. Образ помогает заметить; модель организует отношения; гипотеза заявляет то, что следует исследовать при определённых условиях. Проблема начинается, когда достоинство одного языка используют как подтверждение всех остальных.

Представим, что слово «поле» помогло вам заметить: во время встречи все ждут разрешения руководителя говорить. Можно назвать переживание напряжения, описать распределение инициативы и предложить изменение порядка реплик. Это работа с человеческой ситуацией. Если она помогла, результат относится к встрече и выбранному действию. Он не является косвенным доказательством cemi или вселенского сознания.

Можно и наоборот: внимательно читать физическую гипотезу, не превращая её в руководство для отношений. Предложенный механизм может быть исследовательски интересен. Из этого ещё не следует, что нужно доверять всякому ощущению общего поля или менять практическое решение вопреки известным условиям. Связь между теорией и действием требует собственной аргументации.

Такая самостоятельность языков оставляет место встрече. Философский образ способен породить вопрос, который позже станет точнее. Физическое исследование способно изменить представление о допустимых объяснениях. Описание опыта способно показать, что теория упустила часть предмета. Но каждый переход должен быть показан, а не просто объявлен благодаря повторению общего слова.

Когда вы не уверены в статусе утверждения, можно сформулировать его слабее и точнее. «Мне помогает этот образ». «Автор предлагает такой механизм». «В данном опыте наблюдали такое воздействие». «Отличительное предсказание ещё не проверено». Эти предложения не обязаны звучать окончательно. Они позволяют следующему знанию реально изменить разговор.

Вопрос о сознании остаётся большим. Его размер не требует от человека ни немедленной веры, ни заранее закрытого отрицания. Достаточно понять, что именно вы обсуждаете сейчас, какое основание предъявлено и какую работу должен выполнить следующий шаг. Тогда поле перестаёт быть вместилищем любых желаний об единстве и становится словом, которое можно использовать ответственно — сохраняя и точность исследования, и богатство человеческого опыта.

Что это значит на практике

Если слышите слово «поле» в разговоре о сознании, сначала уточните его значение. Это описание общего ощущения, модель распределения внимания или физическая величина? Иногда автору нужен только образ; иногда он заявляет механизм. Различение поможет обсуждать утверждение без ненужного спора о всех возможных смыслах сразу.

Посмотрите, что даёт ссылка. Первичная работа может исследовать электрическое влияние на клетки, а окружающий текст — говорить о единстве сознания вселенной. Между ними добавлены новые положения. Попросите показать основания перехода. Не отвергайте выполненный опыт из-за чрезмерного заголовка и не подтверждайте заголовок одним наличием опыта.

Для собственного наблюдения выберите описываемое событие. Вместо «поле встречи было плохим» можно сказать: «Два вопроса остались без ответа, участники избегали возражать, срок не согласован». Затем предложить доступное изменение: отдельно обсудить вопрос, дать время на ответ, уточнить ответственность. Если после этого встреча стала яснее, вы получили результат человеческого действия. Назвать его следует в той же мере, в которой он наблюдался.

Не используйте ощущение связи как согласие другого человека. Даже близкое понимание допускает уточнение. Можно спросить, правильно ли вы услышали просьбу, и дать собеседнику возможность поправить вас. Это сохраняет уважение к его опыту, а не разрушает совместность.

Если физическая гипотеза интересует вас сама по себе, начните с авторского текста, определения основных величин и раздела о предсказаниях. Отметьте, что уже проверено, что только предложено и какие результаты допускают несколько объяснений. Не превращайте незавершённость исследования в обязанность немедленно выбрать окончательное мировоззрение. Иногда лучший итог чтения — один более точный вопрос и понимание того, какого основания пока недостаёт. С этим можно продолжать исследование и одновременно жить, разговаривать и принимать решения в доступных человеческих условиях.

Ключевая цитата

> *«Истина же в том, что всё это — глина».*

«Чхандогья-упанишада», VI.1.4; собственный перевод короткого фрагмента по версии F. Max Müller, The Upanishads, Part I, 1879, текст.

В данном примере речь о вещах, сделанных из глины, и отношении материала к различию названий. Цитата не объявляет любое современное «поле» тем же основанием.

Связи между традициями

Сопоставление	Общий вопрос	Существенное различие
Джеймс о потоке и метафора поля внимания	Как описать связность переживания, не потеряв переходы и фон?	Язык описания опыта не устанавливает физический субстрат.
«Чхандогья-упанишада» и cemi	Что позволяет мыслить разнообразие через общее основание?	Религиозно-философский пример и физическая гипотеза имеют разные предпосылки и средства обоснования.
Эфаптическое воздействие и полевая гипотеза сознания	Какие полевые связи способны участвовать в нервной активности?	Наблюдаемое клеточное воздействие не доказывает тождество поля и переживания.
COGITATE и чтение cemi	Какие отличительные обязательства теория берёт на себя перед проверкой?	В эксперименте 2025 года прямо сравнивались IIT и GNWT, а не cemi. Затруднение конкурента не является подтверждением третьей теории.

Первоисточники и исследования

1. McFadden, Johnjoe. «Integrating information in the brain’s EM field: the cemi field theory of consciousness». Neuroscience of Consciousness 2020(1), niaa016. Текст, DOI 10.1093/nc/niaa016. Прочитаны аннотация, определение гипотезы, аргумент интеграции и обсуждение предсказаний. Авторская аргументация не названа общим научным консенсусом.

2. Anastassiou, Costas A.; Perin, Rodrigo; Markram, Henry; Koch, Christof. «Ephaptic coupling of cortical neurons». Nature Neuroscience 14, 2011, 217–223. DOI: 10.1038/nn.2727.

Прочитанная аннотация и метаданные PubMed; полного чтения экспериментального протокола не заявляем.

3. COGITATE Consortium et al. «Adversarial testing of global neuronal workspace and integrated information theories of consciousness». Nature 642, 2025, 133–142. DOI: 10.1038/s41586-025-08888-1. Прочитанные аннотация и описание рисунков PubMed. Полный текст издателя в этой проверке недоступен; здесь использованы только сведения доступной аннотации.

4. James, William. Psychology: Briefer Course, 1892, chapter XI «The Stream of Consciousness». Текст. Эпиграф и вопрос непрерывности переживания; самостоятельный исторический контекст.

5. «Чхандогья-упанишада», VI.1.1–6. F. Max Müller, The Upanishads, Part I, Sacred Books of the East, vol. 1, 1879, с. 92–93. Текст раздела. Ключевая цитата — VI.1.4; перевод передан с явным указанием версии.

Теги

Сознание, поле, метафора, модель, гипотеза, cemi, Макфадден, электромагнитное поле, мозг, нервная активность, эфаптическое взаимодействие, интеграция, единство опыта, связность, Джеймс, поток сознания, Чхандогья-упанишада, основание, различие, COGITATE, теория интегрированной информации, рабочее пространство, предсказание, проверяемость, причинность, переживание, объяснение, научная точность, общение, самостоятельность, открытый вопрос.

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.